

Лексикографические
миниатюры:
критические заметки
по русской и
церковнославянской
исторической
лексикографии*

Lexicographic
Miniatures:
Research Notes on
Russian and Church
Slavonic Historical
Lexicography

Роман Николаевич Кривко

Национальный исследовательский
университет “Высшая школа экономики” /
Институт русского языка им.
В. В. Виноградова РАН (Москва)

Margarita I. Chernysheva

Vinogradov Russian Language Institute
of the Russian Academy of Sciences
(Moscow)

**Маргарита Ивановна
Чернышева**

Институт русского языка им.
В. В. Виноградова РАН (Москва)

Roman N. Krivko

National Research University “Higher
School of Economics” / Vinogradov
Russian Language Institute of the
Russian Academy of Sciences (Moscow)

Резюме

Одна из наиболее острых проблем русской исторической лексикографии состоит в том, что лексикографы зачастую работают с текстами плохо изданными и в большинстве случаев не прокомментированными. В связи с этим необходимой частью лексикографической работы является критика не только источников и их изданий, но и сопутствующего справочного аппарата, уже имеющих словарей и указателей. В первой части статьи показано, как ошибочная

* Статья подготовлена при содействии Российского гуманитарного научного фонда (проект № 13-04-00093 “Лексикологическое исследование и словарное описание лексики русского языка XI–XVII вв. («у» – «умытникъ»); руководитель – доктор филол. наук, проф. М. И. Чернышева).

идентификация греческого источника одного из песнопений свв. Константину и Елене может дезориентировать читателя и привести к неверным суждениям об истории и критике текста этого гимна. Это препятствует правильному пониманию гапакса *тресадовный* 'состоящий из трёх пород дерева (о Кресте Господнем в соответствии с христианской экзегезой Ис 60:13)', описанного в 30-м томе Словаря русского языка XI–XVII вв. Вторая часть статьи посвящена лексикографическому описанию фрагмента славянского перевода одной из гомилий Григория Великого (Двоеслова). Опечатка, допущенная в передаче латинского оригинала, и отсутствие лингвистического комментария сделали невозможным толкование выражения *кротость на тяжесть обратити*, в котором слово *тяжесть* означает 'достоинство', а *кротость* — результат смешения латинских слов *levitas* 'легкомыслие' и *lenitas* 'кротость; нежность'. Выражение *кротость на тяжесть обратити* означает не 'сменить кротость на тяжесть нрава или на достоинство', а является ошибочной передачей соответствующего латинского выражения со значением 'обратить от легкомыслия к достоинству'. Это значение было искажено в переводе и, вследствие опечатки, не было прокомментировано издателем славянского текста, так что до сих пор не получило адекватного лексикографического описания. В третьей части статьи сделана попытка определить лексическое значение слов *тщетина*, *тщетинный*. Заключительная, четвёртая, часть статьи посвящена критике некоторых ошибочных чтений, предложенных в славистических изданиях, на основе греческих оригиналов, не учтённых издателями.

Ключевые слова

историческая лексикография, исторические словари, hapax legomena, история русского языка, история церковнославянского языка, церковнославянские переводы с греческого и с латыни

Abstract

One of the most crucial problems in the historical lexicography of the Russian language is that lexicographers are regularly faced with texts and sources which often have neither been properly published, if at all, nor properly commented on from linguistic, philological, and historical points of view. The first part of these research notes shows that a Greek source of one of the liturgical chants dedicated to SS. Constantine and Helene has been erroneously identified in the Index of the Incipita of Old East Slavonic liturgical chants; this made it possible to assume textual corruption in the Slavonic translation and prevented scholars from establishing a correct understanding of the hapax legomenon *tresadovnyj*, which actually means 'made of three species of wood' (about the Holy Cross made of the fir tree, the pine tree, and the box, according to Christian exegesis of Is 60:13). In the second part of these research notes, the edition and lexicographic interpretation of one passage from the Church Slavonic translation of the Homilies by Gregory the Dialogist have been critically reconsidered. Editorial mistakes and a lack of commentary has made it impossible to understand and to explain adequately the phrase *kratost' na tjazest' obratiti* lit. 'to transmute modesty into gravity.' This phrase is important to exemplify the rare meaning of the Church Slavonic word *tjazest'* (lit. heaviness, gravity) 'dignity,' which is lexicographically recorded in this meaning only in a few translated texts, and attests a semantic calque. While the Slavonic translation of this passage is erroneous, its edition and lexicographic interpretation are corrupted

and inadequate, so that on the basis of the edition and of the available dictionaries one could not understand that the phrase *krotost' na tjažest' obratiti* ('to transmute modesty into gravity') actually means 'to renounce light-mindedness and to return to (proper) dignity.' In the third part of the article, the lexical meaning of the words *tščetina*, *tščetinnyj* is analysed. The final part is dedicated to the critical analysis of some erroneous editorial decisions made by scholars, who ignored the Greek origin of translated texts.

Keywords

historical lexicography, historical dictionaries, history of the Russian language, history of Church Slavonic, translations from Greek and Latin into Church Slavonic

0. Вступительные замечания

Одна из наиболее острых проблем русской исторической лексикографии состоит в том, что лексикографы зачастую работают с текстами плохо изданными и в большинстве случаев лингвистически не прокомментированными. В этой связи необходимой частью лексикографической работы является не только критика источников, но и анализ достоверности сопутствующей справочной литературы, в частности, уже имеющихся исторических словарей, а также указателей, изданий и критического аппарата к изданиям. Ход исследовательской и критической работы, как правило, остаётся за пределами словарной статьи, которая во многих случаях является краткой формой представления результатов разнонаправленного историко-филологического и лингвистического исследования. Предлагаемые вниманию юбиляров лексикографические миниатюры представляют собой расширенные комментарии к трём словарным статьям 30-го выпуска «Словаря русского языка XI–XVII вв.»¹.

1. Тресадовный

В служебной праздничной минее на февраль–август 1260 г. из собрания Государственного исторического музея (ГИМ), Син., № 895 [Каталог 1984: 198–199, № 176] отмечен гапак *трѣсадовъныйи* (л. 93), которым начинается славянский перевод ексапостилария свв. Константину и Елене (sub diem 21 мая), неизвестного в других восточнославянских рукописях [ЛН, 3: 424, № 21239]. Судя по тому, как указано в специализированном справочнике зачало византийского оригинала [ТАМ ЖЕ], греческая параллель славянского слова — лексикографически

¹ Источники Словаря цитируются в соответствии с принятыми в нём правилами графико-орфографической унификации. Ссылки на источники соответствуют принятым в Словаре сокращениям [СТ 2001] (см. также дополнения к списку источников [СЛРЯ XI–XVII вв.]) и здесь не раскрываются.

не зафиксированная² форма *тетраστερόφωτον* (вин. п. ед. ч.), которую можно было бы передать как ‘четверозвездносветлый’ или ‘четверосильносветлый’, если представить каждое из четырёх ответвлений креста как источник сильного света или луч. Образ сияющего Креста в средневековой символике восходит к известному по поздним источникам видению имп. Константина перед битвой у Мульвиева моста (312 г.), что объясняет аллюзию на этот образ в ексапостиларии свв. Константину и Елене. Ближайшая точка соприкосновения этого образа с библейской традицией — упоминание “знамения Сына Человеческого на небе” (*τὸ σημεῖον τοῦ υἱοῦ τοῦ ἀνθρώπου ἐν οὐρανῷ*) в Евангелии от Матфея (24:30) [LCI, 2: 564]. Известны также видения сияющего Креста, описанные Кириллом Иерусалимским и Григорием Назианзином [PG, 33: 1165–1176; 35: 669; LCI, 2: 564], в иконографии распространён мотив сияющего Креста как знака божественного присутствия и (второго) пришествия (“*Als Parusiezeichen besitzt das K. Leuchtkraft*”; см. [LCI, 2: 578]). Эти сюжеты и мотивы, однако, не проясняют структуру и значение славянского композита, который в сопоставлении с формой *тетраστερόφωτον* позволяет предполагать наличие в оригинале славянского песнопения лексикографически незасвидетельствованного паронима **тетраστερόφωτον* (?) ‘четверокрепкорастительный’. Лексема **тетраστερόφωτον* (?) могла возникнуть в результате графического смешения ω и υ в ходе паронимической аттракции с *тетраστερόφωτον*. Вторая корневая морфема -φω- этой гипотетической лексеммы как будто объясняет славянское -сад- (ср. греч. φυτόν ‘насаждение; растение’, φύω ‘рождать, производить’ и др.). Известная символика процветшего Креста как *lignum vitae* [LCI, 2: 584, 587–588] поддерживает такую реконструкцию. Далее, появление морфемы *тръ-* в соответствии с греческим *тетра-* ‘четыре’ привлекательно объяснить транслитерацией первоначального глаголического текста в кириллицу: глаголическое Ѡ, которое могло быть использовано в сокращённой записи композита, имеет числовое значение ‘четыре’, кириллическое же ·҃· обозначает ‘три’.

К сожалению, все изложенные выше герменевтические соображения — тупиковая линия в толковании лексеммы, поскольку в указателе [ЛН, 3: 424, № 21239] греческая параллель славянского песнопения определена ошибочно. Приведём интересующий нас фрагмент славянского текста в принятой в СлРЯ XI–XVII вв. упрощённой орфографии, с современной пунктуацией:

Тр҃садовьни кр҃стъ и четверовърховьнъ, егоже съкрыша шодѣи, яко съкровище, въ земли, сего ц҃ря Костянтинъ и бл҃жная Елена миру явила естѣ (NB согласование предикативных форм с ситаксически ближайшим именем; ср. [Жолобов, Крысько 2001: 85]). Мин.праздн., 93. 1260 г.

² См. данные [LSJ; PGL; LBG (не доведён до буквы τ); GLRBP; GSMIG; TLG].

Из пяти словоформ греческого инципита, который как будто бы должен соответствовать славянскому тексту [ILH, 3: 424, № 21239], только одна (σταυρόν) имеет лексическую параллель в церковнославянском тексте [INEG, 3: 525]: Σταυρόν τετραστερόφωτον ἐν οὐρανοῖς τεθέσθαι ‘ты увидел на небесах четверосильносветлый крест’ [INEG, 3: 525; ILH, 3: 424, № 21239] (в ILH зачало указано без последней словоформы τεθέσθαι). Полный греческий текст ексапостилария не опубликован, вероятно, речь идёт об имп. Константине перед битвой с Максенцием, когда Константин увидел на ночном небе светящийся крест. В любом случае очевидно, что иудеи, о которых говорится в славянском тексте, в этом фрагменте не упомянуты. Известной греческой параллели у славянского текста нет.

Морфемная структура славянского гапакса прозрачна: *трь-* + *-сад-*, где корень *-сад-* употреблён в первом основном значении ‘растение, дерево’ [SJS, 4: 6; СлРЯ XI–XVII вв., 23: 12]. Из этого следует, что Крест Господень состоит из трёх деревьев, точнее, трёх пород дерева. Это — традиционное для христианской экзегезы понимание текста из книги Исаяи (60: 13), в котором видится пророчество о Кресте Господнем: “Слава Ливана придет к тебе, кипарис и певг и вместе кедр, чтобы украсить место святилища Моего, и Я прослаблю подножие ног моих” (LXX: καὶ ἡ δόξα τοῦ Λιβάνου πρὸς σὲ ἕξει ἐν κυπαρίσσῳ καὶ πεύκῃ καὶ κέδρῳ ἅμα, δοξάσαι τὸν τόπον τὸν ἁγίον μου). Церковнославянский экзотизм *певгъ* ‘вид средиземноморской сосны’ и его графико-фонетические и морфологические варианты [СлРЯ XI–XVII вв., 14: 183; СДРЯ XI–XIV вв., 6: 362–363], а также эпитеты *трисоставный*, *тричастный* и *тречастный* [СлРЯ XI–XVII вв., 30], относящиеся к Кресту, достаточно полно описаны в словарях. Иллюстративные примеры во множестве отражают упомянутую экзегетическую традицию толкования Ис 60:13:

Прѣстое дрѣво чьстѣнаго ти крѣта яви великыи Иса(и)я купарисѣмъ и пеугъмъ [так!] (и) кедръмъ. Мин.сент., 0132. Ок. 1095 г. Трѣчастныи [вар. Триодь Моис.К. II, 495. XII–XIII вв.: крѣсть трѣчастныи] . . . небесъ вышыши [в греч. далее: ὑπάρχει ‘есть; является’] (ὁ σταυρὸς ὁ τριμερής). Триодь постн., 185 об. XII в. Ты ми покровъ крѣпкъ еси, трѣчастныи крѣсте Христовъ (τριμερής). Стихирарь, 12 об. XII в. На певги и кедрѣ и кюпарисѣ распятыя насъ ради (ἐν πεύκῃ). Там же, 198. Прорастоша ·҃· древа — кипарис и певгъ и кедръ, и от тог<о> древа учинен быс<ть> крѣтъ, на немже распят быс<ть> Хѣъ. Покл., 55. 1531 г. Прорѣкъ Исаиа показывает, от котораго древа бѣ крѣтъ и глѣтъ: в кипарисѣ и певкѣ и кедрѣ. Скрижаль, II, 783. 1656 г. Царица сия [Елена], егда прииде во Иерусалим, позна древо крестное, еже глаголет быти трисоставное, сиречь от трех дрѣв. Спафарий. О сивиллах¹, 85. 1672 г. А въ Божественномъ, государь, Писании свидѣтельствуетъ, что Крестъ Господень трисоставенъ и тричастенъ, и древо треблаженное и трилюбезное, сирѣчь отъ трое дрѣвѣ. (Чел.Ник.Пустосв.) Суб.Мат. IV, 98. 1665 г. Все богословцы в словесѣхъ своихъ научають почитати трисоставный крестъ

Господень, срасленъ отъ трехъ дровъ во образъ Святыя Троица. Ав.Кн.Бес., 260. XVIII в. ~ 1675 г. Аще кто любить Христа, той любить и Крестъ святой и тричастный, отъ кипариса, и певга, и кедра сложенный. Там же.

Обзор цитатного материала, приведённого здесь не полностью, показывает, насколько хорошо было распространено в восточнославянской письменности представление о трёхчастном Крестном Древе, состоящем из трёх пород дерева. В свете экзегетической традиции, известной и на Руси, текст екапостилария *Трьсадовьныхъ крѣтъ и четверовърховьныхъ* ‘крест тресоставный и четвероконечный’ кажется ясным и не требующим дальнейших комментариев. Что же касается греческой лексической параллели, то, вопреки сведениям, содержащимся в указателе [ПЛН, 3: 424, № 21239], необходимо в соответствии с принятой в этом указателе формулой заключить: “Textus graecus non inventus”.

2. Кротость на тягость обратити

Предмет следующего очерка — вынесенная в подзаголовок фраза с кажущимся прозрачным содержанием: сменить кротость на тяжёлый (жестокый, суровый) нрав. Фраза встречается в славянском переводе тридцать восьмой гомилии папы Григория Великого (Двоеслова) на Евангелие. В беседе упоминаются три сестры, которые были “священными девами (sacrae virgines)”. В какой-то момент одна из сестёр стала вести себя неподобающим образом, увлекаясь мирскими соблазнами, так что две другие сестры “уже печашетася [. . .] кротость на тягость жития своего нрава [о Гордиане, третьей сестре] обратити” Гр.Вел. II, 1260 (цитируется издание славянского памятника). Из цитаты как будто следует, что сёстры убеждали Гордиану сменить кротость на “тягость”. В пражском “Словаре старославянского языка” фрагмент этого предложения использован в словарной статье *тягость* и призван проиллюстрировать третье значение этого слова ‘уважение, достоинство’ [SJS, 4: 558]. Благодаря такой дефиниции смысл примера не становится более ясным: словарное определение предполагает, что фраза *кротость на тягость обратити* означает ‘сменить кротость на достоинство’. Непонятно, на каком основании противопоставляются эти два нравственных качества. Очевидно, понимая бессмысленность контекста, авторы словарной статьи сократили цитату за счёт устранения слова *кротость*: “печашета с.л [. . .] на тягость жития своего нрава обратити ad gravitatem sui habitus Bes 38,300aβ 2” [SJS, 4: 558]. Из-за устранения из цитаты непонятного слова предложение стало синтаксически ущербным: глагол *обратити* лишился объекта, и читателю остаётся гадать, что именно должно смениться на достоинство. В словарной статье *кротость* цитата с неясным содержанием не представлена [SJS, 2: 70]. Надо

полагать, что фрагмент фразы со словом *т.л.гость* попал в пражский “Словарь старославянского языка” потому, что авторы поставили в данном случае задачу исчерпывающе передать в статье доступный в картотеке цитатный материал, о чём свидетельствует помета “Exh.” в конце словарной статьи.

Предложенное в пражском Словаре значение *т.л.гость* ‘уважение, достоинство’ бесспорно: кроме упомянутого примера, оно проиллюстрировано ещё тремя прозрачными цитатами, правда, только из славянского перевода Бесед папы Григория Двоеслова: “*оукланаше лице свое ум<ъ> т.л.гости vultum [. . .] gravitatis Bes 38,300aβ 6; мимо идаше тогдаже заповѣданата т.л.гость чьсти gravitas honestatis Bes 38,300aβ; т.л.гостию жития чьстнаго [. . .] въздрасге gravitate vitae Bes 38,300bα 4sq.*” [SJS, 4: 558]. Во всех трёх примерах единственной лексической параллелью ц.-слав. *т.л.гость* является лат. *gravitas*, что свидетельствует о семантической кальке. Судя по цитатному материалу, предложенному в 30-м выпуске “Словаря русского языка XI–XVII вв.”, семантический переход ‘вес, тяжесть’ → ‘значимость, важность; достоинство’ действительно отсутствует в оригинальных текстах. Среди множества значений лексем словообразовательного гнезда *тяг-* (*тяж-*, *тяз-* / *т.лз-*), описанного в пражском “Словаре старославянского языка” и в 30-м выпуске “Словаря русского языка XI–XVII вв.”, переносные значения ‘важность, значимость; достоинство’ отмечаются только в переводах или в источниках, связанных с русско-западноевропейскими контактами. Приведём материал Словаря [СлРЯ XI–XVII вв., 30]:

Тяжелый, прил. *Важный, значительный*. Слухъ носитца, что курфистру Саксонскому с людьми подыматца и т я ж е л о е дѣло зачнетъ, и для того всѣхъ нанятыхъ люди на рубеж к Меисену посылают (was wichtiges ‘нечто важное’). Куранты¹, 136, 1631 г. Третьево дня промеж начал<ъ>ники посла цесарского [. . .] да промеж надворного маршалка [‘конюха’] люди страшна битва была [. . .] а самъ посол [. . .] приѣхав зело т я ж е л то дѣло терпѣл (der Gesandte befindet dieses überaus hoch ‘посол находит это чрезвычайно важным’). Куранты⁶, 409, 1669 г. — В знач. сущ. **Тяжелая**, с., мн. *То, что важно, значительно*. Будет бо по инѣхъ трех дѣехъ к тебѣ иная глѣо и распространю ти тяжелая и дивная (gravia). (3 Езд 13:56) Библ. Генн. 1499 г.

Тяжий, прил. *в сравнит. ст.* — В знач. сущ. **Тяжшая**, с., мн. *То, что наиболее важно, значимо*. Горе вамъ, книгъчия и фарисѣи, лицемѣри, яко [. . .] остависте тяжшая закона: судъ, и милость, и вѣру, си же подобааше сътворити и тѣхъ не оставити (τὰ βαρύτερα). (Мф 23:23) Мст.ев., 88. До 1117 г.

Тяжкий, прил. *Важный, значительный, весомый*. Пришьдъшу же ему [ап. Павлу], о немъ сташа съшьдъшей от Иерѣлма иудеи, многы и тяжкы вины приносяще на Павла (πολλὰ καὶ βαρέα αἰτιώματα). (Деян 25:7) Апост.Христ., 59. XII в. Епистолия

суть тяжькы и крѣпкы, а пришьствие тѣла немощно и слово уничьжено (*αἱ ἐπιστολαὶ [. . .] βαρεῖαι καὶ ἰσχυραὶ*). (2 Кор 10:10) Там же, 174. Далѣче наибльшие [так в изд.!] дѣла и тягчайшие были межъ иныхъ разныхъ наияснѣйшихъ королей, началъ>никъ и властелей христианскихъ. Рим.имп.д. I, 365. 1518 г. Велики есть сие дѣла и тяжки, столъ> велики и тяжки, какъ честь и содержанъ>е и оборонение вѣры нѣшеи, и короля нѣшего и всеи земли. Куранты¹, 113. 1628 г.

Быти въ тяготѣ — *быть важным*. Никогъда бо въ словеси ласканию быхомъ, якоже вѣсте, ни винѣ лихоиманию [. . .] ни ищуще от члѣвкъ славы, ни от васъ, ни от инѣхъ, могуще въ тяготѣ быти, яко Хсу аплѣ, нѣ быхомъ тиси посредѣ васъ (*ἐν βαρεῖ ἐῖναι*). (1 Фес 2:7) Апост.Христ., 211. XII в.³

Таким образом, единственным препятствием в понимании фрагмента славянского перевода гомилии Григория Двоеслова является *кротость*, которую следовало сменить на *достоинство*. Издание основного текста и критический аппарат к интересующему нас контексту никак его не проясняют. Латинский оригинал, опубликованный в одном издании со славянским переводом, содержит в данном месте сочетание *a revitate*: “Уже печашетася [две сестры] [. . .] *кротость* [в лат.: *a revitate*] на *тягость* жития своего нрава обратити”. Гр.Вел. II, 1260. XIII в.

Внутренняя форма слова *revitas* (*re + vita*), аблативной формой которого должно быть *revitate*, кажется прозрачной и наводит на мысли об оживлении, возрождении, возвращении к жизни и т. п. Проблема заключается в том, что слова *revitas* в латинском языке нет [DLD], более того, оно в принципе невозможно, поскольку приставка *re-* сочетается только с глагольными основами⁴. Форма *revitate* — опечатка в славистическом издании, в чём можно убедиться при обращении к латинскому оригиналу нашего фрагмента, опубликованному в латинской серии “Патрологии”: *Quam curabant blanda quotidie redargutione corrigere, atque a levitate morum ad gravitatem sui habitus reformare* [PL, 76: 1291] ‘они ежедневно старались исправить [eē] ласковым обличением и обратить от легкомыслия нравов к достоинству своего образа жизни’. Славянское *кротость* (вин. п. ед. ч.) соответствует латинскому *a levitate* ‘от легкомыслия’, переосмысленному как прямой объект, который формально в латинском оригинале не выражен.

Сопоставление с корректным изданием латинского оригинала, однако, по-прежнему не даёт понять, как слово *кротость* связано с понятием легкомыслия. Ни семантика славянского слова, подробно описанная в современных и исторических словарях, ни его этимология не позволяют предположить, что значения лексем *кротость* в древний

³ Толкование дано в соответствии со значением греческой параллели “ἐν β. εἶναι *gewichtig auftreten*” (1 Тим 2:7) [WNT: 268].

⁴ Замечание анонимного рецензента.

период принципиально отличались от современного состояния. Ни одно из лексикографически зафиксированных исторических употреблений слова *кротость* не позволяет увидеть в нём нечто, связанное с семантикой легкомыслия. Заключить обратное можно было бы только на основании латинской параллели, однако такое решение представляется нам необоснованным, серьёзное расширение значения славянского слова с труднообъяснимым семантическим переходом на основании уникальной латинской параллели неправомерно.

Полагаем, что причина появления лексемы *кротость* — паронимическая аттракция, ошибка перевода или описка в латинской рукописи, вследствие чего первоначальное *a levitate* было воспринято как *a lenitate*; ср. лат. *lenitas* ‘нежность; кротость’. Ошибки такого рода хорошо известны как внутри традиции одного текста, так и при переводе. Иллюстративный пример в словарной статье *тягость* может быть представлен только в сопровождении комментариев:

Уже печашетася [две сестры] [. . .] кротость [слав. к *lenitate?; в изд. ошибочно: revitate] на тягость жития своего нрава [о Гордиане, третьей сестре] обрати (PL LXXVI, 1291: *a levitate morum ad gravitatem sui habitus reformare* ‘обратить от легкомыслия нравов к достоинству своего образа жизни’). Гр.Вел. II, 1260. XIII в.

3. Тщетина, тщетинный

Есть такие словарные статьи, при разработке которых хотя и были использованы все возможности, имеющиеся у создателей Словаря, и знания ведущих отечественных и зарубежных специалистов, привлекавшихся в качестве консультантов⁵, тем не менее, установить точную семантику искомым слов не удалось.

Такова история выявления значения слов *тщетина* и производного прилагательного *тщетинный* из “Жития Андрея Юродивого”. Проведённые изыскания вполне можно было бы назвать филологическим детективом:

Сотона [. . .] реч<е> [юноше], яко к нѣкому подобну себѣ: видиши ли сего [Андрея Юродивого], досель тоштетину [вар. XV–XVI вв.: тщетину, тоштотину, щетину] яль, а уже строиться и съ на ны (ὁ τὰ σέλη ἐσθίων). Ж.Андр.Юрод.¹, 162. XIV в. ~ XII в. Отвѣща к нему [Андрею] дьяволь [. . .] отступи от мене, тышетны [вар. XV в.: тышетны] ястелю (ὁ τὰ σέλη [в изд.: σάλη] ἐσθίων). Ж.Андр.Юрод.¹, 257. XIV в. ~ XII в. [то же — (Ж.Андр.Юрод.) ВМЧ, Окт. 1–3, 132. XVI в. ~ XII в.].

В обоих случаях в греческом оригинале употреблена форма мн. ч. сущ. ср. р. τὰ σέλη (от τὸ σέλος), само слово не отмечено ни в одном из доступных

⁵ Среди них: А. Е. Аникин, И. Г. Добродомов, Я. Какридис (Швейцария), Э. Трапп (Германия).

греческих словарей (за исключением [LBG], о чём ниже). В издании Макариевских Миней, где опубликован список XVI в., в соответствующих местах (в сносках) приводится разъяснение, где τὰ σέλη понимается как “родъ бобовъ” [ВМЧ, Окт. 1–3, 81, сноска 1], а ὁ τὰ σέλη ἐσθίων — *тщетны ястель*⁶ — трактуется как “ядущий бобы” [ВМЧ, Окт. 1–3, 132, сноска 5].

Переводчица “Жития Андрея Юродивого” на современный русский язык Е. В. Желтова, создав неологизм (“Посмотрите-ка на этого *селееда!*” [Желтова 2007: 23], “Отступись от меня, *селеед!*” [там же: 66]), предложила трактовать употреблённые выражения как ругательства, причём и в том и в другом случае бранится дьявол: “Выражение τὰ σέλη ἐσθίων, вероятно, было очень грубым и означало что-то вроде ‘питающегося экскрементами’” [там же: 156], то есть *тщетина* предлагается понимать как ‘экскременты’.

Эту мысль как будто бы поддерживает латинский перевод, сопутствующий греческому в издании Ж.-П. Миня: 1) “ecce ille etiam, qui *fabis* vescitur (= вот тот, кто питается *фабами*)” [PG, 111: 633–634]; 2) “comestor *fabarum* (= пожиратель *фаб*)” [там же: 719–720], поскольку *faba*, кроме основного значения ‘боб’, может иметь также переносное — ‘бобовидный помет’.

Однако ситуация еще больше запутывается при обращении к латинскому комментарию, учитывающему оба употребления τὰ σέλη в этом произведении [PG, 111: 633–634, сноска 7], где издатель не только признаётся, что смысл слова ему не ясен, но объясняет также, что он интерпретировал ὁ τὰ σέλη ἐσθίων как ‘qui *fabis* vescitur’ только для того, чтобы не предложить вообще ничего. И далее следуют две не только никак не связанные между собой, но, скорее, исключаящие одна другую трактовки. Первая заключается в том, что τὸ σέλος можно понимать как некую дешёвую пищу из стручковых растений или трав (viliores quosdam cibos e leguminibus herbisve), “которую имели обыкновение употреблять в пищу те, кто выбрал путь служения Богу”, — так дьявол высмеивал св. Андрея. Вторая предполагает понимание τὰ σέλη как ‘лакомство’ (cupedias), тогда произнесённые слова звучат как укор — примерно следующим образом: “вот же тот, кто обжирается роскошной едой со стола своего господина (qui delicatis e mensa domini sui cibis farcitur), а с нами общаться — избегает”.

Не смогли справиться с установлением значения и немецкие коллеги, создающие под руководством Э. Траппа⁷ “Lexikon zur byzantinischen

⁶ В издании опечатка: *тщетныя стелю*, вместо: *тщетны ястелю*.

⁷ В процессе работы над указанными словарными статьями мы обращались к проф. Э. Траппу за консультацией, в связи с чем выражаем ему искреннюю благодарность за внимание.

Gräzität”, поскольку предложенные в этом словаре трактовки двух одно-коренных слов сопровождаются знаком вопроса: τὸ σέλος Sellerie ? (‘сельдерей’), σελοφάγος Sellerie fressend ? (‘пожиратель сельдерей’) [LBG, 7: 113].

Итак, наш филологический детектив пока не завершён, и нужно признать, что на сегодняшний день не установлены точные значения ни греч. τὰ σέλη, ни слав. *тщетина*.

В результате, учитывая то, что существует ещё одно употребление слова *тщетина* в “Иосиппоне” — сочинении, переведённом с древнееврейского языка (Римляни имаху жида, иже вылазяху [из Иерусалима] брати зелиа или тщетины ясти и вѣшахут я (др.-евр. *deše* ‘трава, луговая растительность’). (Иосиппон) Лет.Ел., 228. XV в.), было сформулировано следующее обобщённое толкование, со ссылкой на [LBG]:

То, что несъедобно или малосъедобно (ср. LBG 7, 113: τὸ σέλος ‘сельдерей’ ?).

4. Проблема установления верного чтения

Мы неоднократно говорили о необходимости учёта оригинала в работе с переводными памятниками, при игнорировании которого при издании текста рукописи в публикации и, соответственно, в словоуказателе (при наличии такового) возникают ошибки, в том числе — ошибки словоделения. Часть образцов такого рода — из Мин.Пут., Нил.Сор.Соборник, Сб.Кир.-Б.м. (П.) и Хрон.Г.Синк. — описана в статье [Чернышева 2013: 199–202]. За пределами остались другие случаи.

Приведём ещё два примера ошибочного чтения из болгарского издания Златоструй³ (Г.). На листе 24а (с. 160 публикации) ошибочно разделено напечатано: *въ земле*, однако следует читать слитно *въземле*, что обусловлено контекстно и поддержано греческим оригиналом: λαμβάνει (ἐν λαμβάνει, καὶ τρία ἀπαιτεῖ) [PG, 88: 1940]. Исправленное чтение представлено в соответствующей цитате словарной статьи *троий* [СлРЯ XI–XVII вв., 30]:

Единого въземле, а троего просить, от троего бо състоимъся, якоже глеть апосль: да будеть все цѣло, тѣло, и дша, и духъ (1 Фес 5:23: τρία ἀπαιτεῖ· ἐκ γὰρ τῶν τριῶν συνεστήκαμεν). Златостр.³ (Г.), 160. XII в. [то же — (Сл.Ио.Злат.) ВМЧ, Ноябрь 13–15, 1357 г. XVI в. ~ XII в.].

В другом случае (из того же издания) верное понимание возможно при обращении к рукописной традиции. На листе 163а (с. 258 указанной публикации) предложено следующее словоделение испорченного рукописного места: *аще* [. . .] *мѣ жѣль сѣ*, в списке XVI в., опубликованном в Макарьевских Минеях, находится верное чтение — *смѣжилсѣ* (в

греческом оригинале соответствующий пассаж несколько отличается [PG, 62: 575]), что нашло отражение в цитате, иллюстрирующей слово *трезвство*:

... [О живущих в монастырях] Нъ аще <съ>мѣжилъся ихъ кто буде, то скоро очи отвързеть, и аки много врѣмя бѣдѣлъ буде трѣзвства дѣля [. . .] то не трѣбуеть многа врѣмене на въспряновение (τῆς νήψεως ἔνεκεν). Златостр.³ (Г.), 258. XII в. [то же – (Сл.Ио.Злат.) ВМЧ, Ноябрь 13–15, 1452. XVI в.].

И наконец, приведём ещё один показательный пример, характерный для работы с переводными памятниками. Первоначальное предложение понимать дважды встретившуюся форму *триулие* (из Сказ. о созд. св.Соф.) как *триу<г>лие* было отвергнуто после обращения к греческому оригиналу, где читается *τριβουνάλιον*, так что реконструкция заголовочной формы должна выглядеть иначе – *триу<на>лие*, что нашло отражение в соответствующей словарной статье *триуналие*, связанной семантически с *триуналий*:

[ТРИУНАЛИЕ], с. То же, что **триуналий**. И пришедшим имъ на мѣсто триу<на>лие, явишас<я> полаты новы зданые (εἰς τὸ τριβουνάλιον). Сказ. о созд. св.Соф., 22. XVI в. И шедъ цѣрь с привезшими злато на мѣсто триу<на>лие [так в изд.], и не обретоша ни единоа полаты, ни храмины. Там же.

ТРИУНАЛИЙ, м. Площадка с возвышением (ср. греч. *τριβουνάλιον* от лат. *tribunal*). Носящемъ же крѣты цѣрви же и людемъ съ патриархъмъ Прокльмъ у Евъдома къ полю на триунали [вар. 1262 г.: *тривуналии*] [. . .] вьнезапу отроча посредѣ мъножства въсхыщено и на въздухъ възносимо бываше (εἰς τὸ τριβουνάλιον). Пролог (жит.сент.), 116. XII–XIII вв.

Библиография

Желтова 2007

Желтова Е. В., *Жизнь и деяния св. Отца нашего Андрея Юродивого Христа ради. Вступительная статья, перевод с греческого языка и комментарии*, С.-Петербург, 2007.

Жолобов, Крысько 2001

Жолобов О. Ф., Крысько В. Б., *Историческая грамматика древнерусского языка, 2: Двойственное число*, Москва, 2001.

Каталог 1984

Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР. XI–XIII вв., Москва, 1984.

СДРЯ XI–XIV вв., 1–10–

Словарь древнерусского языка XI–XVI вв., 1–10–, Москва, 1985–2014–.

СЛРЯ XI–XVII вв., 1–30

Словарь русского языка XI–XVII вв., 1–30–, Москва, 1975–2015–.

СТ 2001

Словарь русского языка XI–XVII вв. Справочный том, Москва, 2001.

ЧЕРНЫШЕВА 2013

ЧЕРНЫШЕВА М. И., “Из истории изменения концепции Словаря русского языка XI–XVII вв.”, *Acta linguistica petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН*, 9 (2) (= Русская историческая лексикология и лексикография XVII–XIX вв.), 2013, 192–208.

DLD

Database of Latin Dictionaries, Turnhout, Brepols Publishers, 2012 (режим доступа: <http://apps.brepolis.net/BrepolisPortal/default.aspx>)

GLRBP

SOPHOCLES E. A., *Greek Lexicon of the Roman and Byzantine Periods*, New York, 1900.

GSMIG

DU CANGE D., DU FRESNE C., *Glossarium ad scriptores mediae & infimae graecitatis*, 1–2, Lugdunii, 1688.

IHEG

FOLLIERI H., *Initia hymnorum Ecclesiae Graecae*, 1–5 (1/2) (= Studi e testi, 212–215 bis), Città del Vaticano, 1961–1966.

ILH

Incipitarius liturgischer Hymnen in ostslavischen Handschriften des 11. bis 13. Jahrhunderts, 1–3, besorgt von D. STERN, hrsg. von H. ROTHE (= Abhandlungen der Nordrhein-Westfälischen Akademie der Wissenschaften, 118/1–3; Patristica Slavica, 16/1–3), Paderborn, München, Wien, Zürich, 2008.

LBG

Lexikon der byzantinischen Gräzität, Fasz., 1–7–, Wien, 1994–2011–.

LCI

Lexikon der christlichen Ikonographie, 1–8, Sonderausgabe, Rom, Freiburg, Basel, Wien, 2004.

LSJ

LIDDELL H. G., SCOTT R., comp., JONES H. S., SR., rev. and augm., with a revised supplement, *A Greek-English Lexicon*, Oxford, 1996.

LXX

RAHLFS A., ed., *Septuaginta*, Stuttgart, 1979.

PG

MIGNE J. P., ed., *Patrologiae cursus completus. Series Graeca*, 1–161, Parisiis, 1857–1866.

PGL

LAMPE G. W. H., *A Patristic Greek Lexikon*, Oxford, 1982.

PL

MIGNE J. P., ed., *Patrologiae cursus completus. Series Latina*, 1–217, Parisiis, 1844–1855.

SJS

Slovník jazyka staroslověnského, 1–4, Praha, 1958–1997.

TLG

Thesaurus linguae Graecae (режим доступа: <http://www.tlg.uci.edu/>).

WNT

BAUER W., *Wörterbuch zum Neuen Testament*, 6, völlig neu bearbeitete Auflage von K. und B. ALAND, Berlin, New York, 1988.

References

Bauer W., *Wörterbuch zum Neuen Testament*, 6, völlig neu bearbeitete Auflage von K. und B. Aland, Berlin, New York, 1988.

Chernysheva M. I., "Iz istorii izmeneniia kontseptsii Slovaria russkogo iazyka XI–XVII vv.", *Acta linguistica petropolitana. Trudy Instituta lingvističeskikh issledovanii RAN*, 9 (2) (= Russkaia istoričeskaia leksikologija i leksikografija XVII–XIX vv.), 2013, 192–208.

Follieri H., *Initia hymnorum Ecclesiae Graecae*, 1–5 (1/2) (= Studi e testi, 212–215 bis), Città del Vaticano, 1961–1966.

Lampe G. W. H., *A Patristic Greek Lexikon*, Oxford, 1982.

Liddell H. G., Scott R., comp., Jones H. S., Sr., rev. and augm., with a revised supplement, *A Greek-English Lexicon*, Oxford, 1996.

Rothe H., Stern D., eds., *Incipitarius liturgischer Hymnen in ostslavischen Handschriften des 11. bis 13. Jahrhunderts*, 1–3 (= Abhandlungen der Nordrhein-Westfälischen Akademie der Wissenschaften, 118/1–3; Patristica Slavica, 16/1–3), Paderborn, München, Wien, Zürich, 2008.

Zheltova E. V., *Zhizn' i deianiia sv. Ottsa našego Andreia Iurodivogo Khrista radi*, St. Petersburg, 2007.

Zholobov O. F., Krysko V. B., *Istoričeskaia grammatika drevnerusskogo iazyka*, 2: *Dvoistvennoe čislo*, Moscow, 2001.

Роман Николаевич Кривко, канд. филол. наук

Национальный исследовательский университет "Высшая школа экономики",

доцент Школы лингвистики Факультета гуманитарных наук

105066 Москва, ул. Старая Басманная, 21/4

Россия/Russia

roman.krivko@gmail.com

проф. **Маргарита Ивановна Чернышева**, доктор филол. наук

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН,

ведущий научный сотрудник Отдела исторической лексикографии

119019 Москва, Волхонка 18/2

Россия/Russia

chernysheva@bk.ru